

К 175-
летию
со дня рождения
Н. В. Гоголя

Сто семьдесят пять лет прошло со дня рождения великого Гоголя.

Что думаем мы, что чувствуем сегодня, произнося это мощное и веселое, поэтичнее и очистительное, как весенняя гроза, и принадлежащее всему миру короткое имя — Гоголь?!

Гоголь, пришедший в литературу, когда уже в зените славы был Пушкин, сумел вместе с этим титаном реалистического искусства обогатить русский реализм совершенно особым, небывалым содержанием и новыми формами. Его творения открыли собою «натуральную школу», утвердили понятие критического реализма как основного направления нашей литературы XIX века.

Гоголь горячо и самоотверженно утверждал союз русского искусства с современностью, будучи твердо уверен, что именно на этом пути оно обретает подлинную зрелость и драгоценную возможность прямого, страстного разговора со своей эпохой, которого так часто недоставало писателю в литературе того времени.

«Где же жизнь наша? Где мы со всеми современными страстями и странностями? — тревожно и требовательно вопрошал Гоголь и настаивал: —

Дайте нам русских характеров, нас самих дайте нам!»

Величайший гуманизм писателя сказался в необычайном человеческом внимании к так называемому «маленькому человеку», в любви к нему, в боли и в гневе за него. Несомненно, что грустная тень пушкинского станционного смотрителя благословляюще витает над бедным Акакием Акакиевичем. Но Гоголь и здесь творит свою собственную, новаторскую дорогу. Его «маленькие люди» далеко не всегда покорны судьбе, как бы ничтожно ни было их общественное положение. Акакий Акакиевич вырастает в гроз-

но убрал со сцены тех неправдоподобных добродетельных героев, которые вопреки истине с необыкновенной легкостью укрощали порок и водворяли добро. Комедия стала беспощадным зеркалом, гротескно отразившим подлинную суть самодержавных порядков, которые всерьез «ревивизовать» могла только революция.

Но Гоголь не был бы величайшим русским писателем, если бы, отказавшись изображать вымышленных героев добродетели, не мечтал о том, чтобы сказать своим читателям звучное и зовущее слово. И он сказал его в не дописан-

ной — СМЕХ. И как он гибок, как богат содержанием, какой у него живой характер! Стоит перечислить хотя бы часть эпитетов, какими одарил писателя этого своего любимца, — благородный, сверкающий, огненный; живительный, праздничный, идеальный, едкий, тяжелый, могучий, легкий, свежий, лукавый, очаровательный, колочный, наконец — очищающий, солнечный.

Какое богатейшее идейное и художественное наследство оставил нам этот бездомный, бесприютный и, в сущности, крайне бедный, как многие его герои, гениальный человек!

Не позабудем среди этих

бою». Вот пример истинного товарищества двух единомышленников!

Созданное Гоголем стало как бы фундаментом не только для таких прямых его наследников, как Щедрин, но и для всего революционно-демократического направления последующей литературы. Творчество Гоголя во многом могло складыванию взглядов, общественной и литературной программы Белинского и Герцена, Чернышевского и Добролюбова и послужило им грандиозным полем для сражений за новые формы искусства, и прежде всего за новые формы самой жизни.

«Голос его вырос, подымался выше, принял неведомую силу» — эти гоголевские слова о вдохновенной речи Тараса перед соратниками часто вспоминаются нами при чтении собственных книг писателя.

С какой страстной надеждой, с каким пророческим жаром вглядывался он в будущее Отечества, полный взволнованных предчувствий:

«...У! какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!»

И не слышался ли отголосок этих пророческих, во многие знаменательные часы нашей современной истории, хотя бы в тот уже далекий ныне апрельский день, когда Юрий Гагарин в своей ракете произнес свое историческое «Поехали!»?

«...И вон она понеслась, понеслась, понеслась!.. И вон уже видно вдаль, как что-то пылит и сверлит воздух».

«Пророку нет славы в отчизне», — писал Гоголь в горький час. Он ошибся.

Вскоре после его смерти Чернышевский назвал целую полосу литературной жизни «гоголевским периодом». А потом Гоголь, как мощная ракета, преодолел притяжение елка, в котором он жил, и сделался спутником новых поколений. Слава его стала всенародной. Слава его стала мировой.

Слава же его бессмертному гению!

Сергей МИХАЛКОВ

Слово о Гоголе

ное привидение, навещающее страх на «значительных лиц» его времени. Робкий мечтатель Поприщин в своем трагическом безумии внезапно поднимается до разящих монологов огромного гражданского накала:

«А вот эти все... что юлят во все стороны и лезут ко двору и говорят, что они патриоты и то и се: аренды, аренды хотя эти патриоты! Мать, отца, бога продадут за деньги, честолюбцы, хриstopродавцы!»

А капитан Копейкин становится во главе разбойников, чтобы воздать по заслугам тупым и чванливым чиновникам, в приемных которых он «настоялся вдоволь» со своей скромнейшей просьбой о помощи. И разве эти бунтарские вспышки Башмакиных и Поприщиных не похожи на первые отдаленные раскаты грядущих гроз?

Эти же раскаты слышны и в грозном смехе Гоголя-драматурга, создавшего новаторский комедийный театр. Написав бессмертный «Ревизор», он предпринял неслыханное дотоле на Руси дело — решитель-

ном им втором томе «Мертвых душ»:

«Нет теперь никого во всем свете... кто-бы крикнул душе пробуждающим криком... бодрящее слово «ВПЕРЕД».

Однако не в это ли «бодрящее слово» слагалось все его собственное многообразное творчество — и освежающий грозовой озон его сатиры, и, по словам Тургенева, «водопад здоровой веселости», брызжащий с множества страниц его произведений, и чистейшее золото поэзии — лирические отступления в «Мертвых душах», романтическая новелла о Днепре, ода украинской ночи или баллада о степи в «Тарасе Бульбе».

Венец сатирического гения писателя — «Мертвые души» парадоксально и в то же время глубоко справедливо названы автором поэмой. Только Гоголю было под силу сочетать воедино столь разные литературные роды, создать драгоценный художественный сплав горькой правды, злого гротеска и вдохновенной мечты, высочайшего идеала.

Создал Гоголь и своеобразнейшего положительного ге-

богатств и заповедь нерушимого боевого товарищества, гимн которому пропел он устами своего Тараса Бульбы:

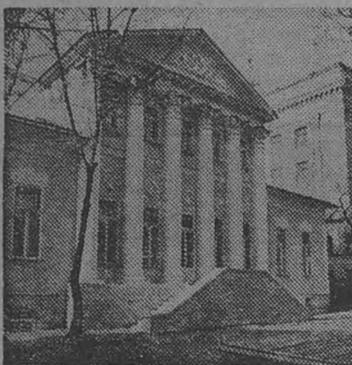
«Нет уз святее товарищества! Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь свое дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей».

Таким товариществом был связан Гоголь с многими деятелями отечественной культуры, и прежде всего — с Пушкиным.

Пушкин восторженно приветствовал первые повести молодого Гоголя, а затем подарил ему сюжеты «Ревизора» и «Мертвых душ», предчувствуя, что именно он сумеет облечь их в совершенную форму. Оплакивая гибель русского гения, великий сатирик писал: «Ничего не предпринимал я без его совета. Ни одна строка не писалась без того, чтобы я не воображал его пред со-

В МУЗЕЯХ СТРАНЫ

В гости к Гоголю

Старинный особняк в Москве, где жили братья Сергей и Константин Аксаковы.

«...Мы идем в гости к Гоголю — через бульвар, носящий его имя, вверх по Сивцеву Вражку, где на пригорке высится старинный особняк с колоннами. Тут жили братья Аксаковы — Сергей и Константин. Это не был их собственный дом, они снимали его, причем недолго — меньше года. Но именно здесь Сергей Тимофеевич Аксаков написал «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии». Здесь собирались литераторы, художники, артисты. Гостеприимные, маломоветвещающие в путанице московских переулков огни аксаковского дома манили и Гоголя. Здесь он читал друзьям гомеровскую «Одиссею» в великолепном переводе Жуковского. Здесь 1 апреля 1849 года справлял свое 40-летие.

Время не пощадило дом. С годами он потускнел и обветшал, утратил ампириный щедротный вид. Московские реставраторы за минувшую осень и зиму восстановили зда-

ние таким, как оно выглядело в 40-е годы прошлого века. Теперь здесь филиал Государственного Литературного музея, развернувшего в этих стенах юбилейную гоголевскую выставку.

Мы входим в мир Гоголя живой и достоверный. По крупицам собрать его помогли Исторический и Театральный музеи, Третьяковская галерея и «Мураново», МХАТ и Музей украинского искусства.

Гоголь немного оставил по себе — рукописи да книги. Несколькими графическими работами (он был прекрасный рисовальщик). Личные вещи все поместились на небольшой витрине. Две печатки (важно вытиснено: «Гоголь-Яновский»). Чарочка для лекаря. Стаканчик для нардашей, который он очень любил. Голубая с серебром ермолка — Гоголь подарил ее своему лекарю.

Примечателен автограф — записка, адресованная С. Аксакову. Сергей Тимофеевич прислал другу приглашение — в гости или в Английский клуб, по его выбору. На что Гоголь ниже, на том же листе отвечает: «И вам натурально приеду, а в клуб и ворон костей моих не занесет».

Голубые, непривычно крупные листы тетради, которую вел писатель. Он назвал ее — «Книга всякой всячины или подручная энциклопедия». В столбик выписаны алфавитно расположенные слова с пояснениями: «Ендова — круглый металлический или глиняный сосуд, вверху широкий...», «ковдра — одеяло», «креденец — буфет». Так и кажется, что слова эти — сочные, яркие — сошли со страниц «Сорочинской ярмарки», «Миргорода», «Мертвых душ»...

Привлекает внимание графический лист с раскрашенной фигурой городничего — напыщенного и туповатого. По пре-

данию, портрет этот подарил Гоголю Пушкин.

Подготовленные и печати страницы «Мертвых душ» с иллюстрациями Агина. Бестрепетной рукою цензора перечеркнут рисунок, непочтительно изображающий сановника; на другом, также весьма едком рисунке вычеркнут имперский орел...

Целый зал посвящен изданию Гоголя в советские годы — от первых «нижне-копеек», напечатанных на плохой бумаге, до роскошных современных серий и юбилейных фолиантов. Здесь выставлены и работы современных художников-

иллюстраторов, радующие разнообразием и мощью нашей отечественной графики, и эскизы театральных декораций и костюмов...

Проходя анфиладой комнат, где 135 лет назад ступал Николай Васильевич, где словно витает его дух — сочувственный мятущийся, стремящийся светом смеха рассеять мрак бытия, — мы приобщаемся и мысли Гоголя, любви и боли его — и великой славе.

Владимир ЕРОХИН

Фото Г. СПИРИДОНОВА

НА РОДИНЕ ГЕНИЯ

31 марта в селе Гоголево (бывшая Васильевка) Шишацкого района Полтавской области был открыт заповедник-музей Н. В. Гоголя. Это еще одно свидетельство всенародной любви к художнику слова, ставшего символом дружбы русского и украинского народов.

Здесь Гоголь родился, здесь прошли его детство и юность. В уютном флигельке были написаны главы второго тома «Мертвых душ»...

Много лет энтузиасты-исследователи, строители, художники во главе с главным архитектором Полтавы Л. С. Вайнгортом возродили усадебные постройки, пруды, парк. Большую помощь им оказывали потомки писателя, другие литературные музеи страны.

На открытии мемориального комплекса присутствовали заместитель Председателя Совета Министров УССР М. А. Орлин, первый секретарь Полтавского обкома Коммунистической партии Украины Ф. Т. Моргул, писатели из Москвы, Киева и других городов страны.

НА СНИМКАХ: заповедник-музей Н. В. Гоголя; писатель Алексей КОЛОМНЕЦ, Михаил ГОДЕНКО, Павло ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ, Михаил АЛЕКСЕЕВ

Константин КОКОШКИН, специальный корреспондент «Литературной России»